

Научная статья
УДК 1(091) + 81:1
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.8>

К вопросу о гипостазировании языка у Мартина Хайдеггера

Дарья Александровна Павлова¹, Алексей Георгиевич Чебан²

¹Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

²Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Саратов, Россия, cheban_ag@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9096-8001>

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении взглядов оппонентов Мартина Хайдеггера относительно его гипостазирования языка. Критически настроенные исследователи подвергают хайдеггеровскую концепцию языка (как в ранний, так и в поздний периоды его творчества) обвинениям в чрезмерной метафизичности и мистицизме. Следует признать, что определенные основания для подобных критических высказываний действительно существуют. Однако авторы статьи полагают, что, во-первых, творчество М. Хайдеггера должно восприниматься в его целостности; во-вторых, проблема языка не должна рассматриваться отдельно от онтологического проекта философа. Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые систематизируются критические взгляды на хайдеггеровскую философию языка и предлагается более конструктивный подход к оценке наследия немецкого мыслителя.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, философия языка, гипостазирование, фундаментальная онтология, критика Хайдеггера, дом бытия, экзистенциальная аналитика

Для цитирования: Павлова Д.А., Чебан А.Г. К вопросу о гипостазировании языка у Мартина Хайдеггера // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 48–53. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.8>.

Original article

On the question of hypostasis of language by Martin Heidegger

Daria A. Pavlova¹, Alexey G. Cheban²

¹Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

²Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia, cheban_ag@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9096-8001>

Abstract. The purpose of this study is to consider the views of Martin Heidegger's opponents regarding his hypostasis of language. Heidegger's concept of language (both in the early and late periods of his oeuvre) is criticized for excessive metaphysics and mysticism. It should be recognized that there are certain grounds for such critical assessments. However, the authors of the article argue that, firstly, Heidegger's theory should be perceived in its entirety; secondly, the problem of language should not be considered separately from his ontological project. The scientific novelty of the study is as follows. For the first time, it systematizes critical views on Heidegger's philosophy of language and provides a more constructive approach to assessing the legacy of the German thinker.

Keywords: M. Heidegger, philosophy of language, hypostasis, fundamental ontology, criticism of Heidegger, house of being, existential analytics

For citation: Pavlova D.A., Cheban A.G. On the question of hypostasis of language by Martin Heidegger // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 9. P. 48–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.8>.

Основной темой статьи является постановка проблемы языка в философии Мартина Хайдеггера – почему и с какой целью, по его мнению, необходимо задаваться вопросом о сущности языка. Первая эксплицитная тематизация языка в «Пролегоменах к истории понятия времени» и «Бытии и времени» выполняла служебную роль и диктовалась только потребностью в демонстрации онтологического места «этого феномена внутри бытийного устройства присутствия», его связи с другими экзистенциалами и в подготовке последующего анализа повседневности Dasein [1, с. 166]. В знаменитом цикле докладов 1950-х гг. о языке ставится вопрос, как мы вообще можем его мыслить. На семинарах летнего семестра 1939 г., опубликованных в 85-м томе под заголовком «О сущности языка», Хайдеггер ставит прямой вопрос: «Зачем мы спрашиваем о сущности языка?». И тут же дает следующий ответ: «Размышление о языке рассматривается здесь как решающий путь к входу в совершенно другое, а именно историко-бытийное мышление» (Die Besinnung auf die Sprache gilt hier als ein entscheidender Weg zum Einsprung in das ganz andere,

nämlich seynsgeschichtliche Denken) [2, p. 16]. Чтобы отыскать путь к истине бытия, нужно сначала проложить путь к языку, который через себя позволит бытию проявиться, – ход мысли, лейтмотивный для хайдеггеровских сочинений после «поворота».

Пятью годами ранее, в лекции «Логика как вопрос о сущности языка», М. Хайдеггер отвечает на этот же вопрос несколько иначе: также в связи с темой историчности, но последняя мыслится еще в терминах фундаментальной онтологии. О сущности языка нужно спрашивать, «потому что вот-бытие есть забота – забота определения, его оживления, принятия и сохранения; потому что забота как забота свободы является заботой знания, умеющего знания о сущности всего сущего; <...> потому что знание можно основать и выразить, оживить и передать только благодаря ответственному слову, т. е. только благодаря выросшей на почве историчного труда добротности созидającego языка» (Weil unser Dasein die Sorge ist – die Sorge der Bestimmung, ihrer Erweckung, Übernahme und Bewahrung; weil die Sorge als Sorge der Freiheit die Sorge des Wissens und Wissenkönnens um das Wesen alles Seienden ist; <...> weil Wissen nur gegründet und geprägt, nur überliefert und erweckt werden kann durch das verantwortliche Wort, d. h. durch die gewachsene Gediegenheit der schaffenden Sprache in der geschichtlichen Arbeit) [3, p. 169].

Как видим, рассуждения Хайдеггера здесь движутся в экзистенциально-аналитическом горизонте: все еще фигурирует тема заботы, хотя и в более широкой перспективе историчности. Однако уже в этом пассаже язык понимается как условие раскрытия истины, экзистенции и сущего в целом. Данную позицию такие теоретики, как Р. Рорти, Кр. Лафонт [4], А. Вельмер [5], К.-О. Апель [6], рассматривают в качестве радикального варианта лингвистического поворота, или гипостазирования языка. Если учесть, что каждый из этих авторов либо принадлежит к англосаксонской традиции, либо находится под ее влиянием, то такая оценка вполне предсказуема.

Поскольку в горизонте дистинкций лингвистической философии хайдеггеровский поздний подход к языку нельзя квалифицировать как конвенционалистский, прагматический или инструменталистский, то он с неизбежностью помещается по другую сторону оппозиции. Образ языка как «дома бытия» и другие метафоры прочитываются в терминах лингвистической редукции и субстанциализации. Однако перед нами не просто единичные случаи интерпретации с позиций конкретной школы, а общее место в толковании позднего проекта понимания языка у Хайдеггера. Чаще всего именно в такой форме он противопоставляется другим традициям и направлениям. Вот пример типичной оппозиции: «Для аналитической философии, структурализма и постструктурализма язык полностью конвенционален. Для Хайдеггера же он “дом бытия”» [7, с. 242].

Следует признать, что Хайдеггер сам дает повод к такому прочтению. Его размышления о языке заряжены необычайным пиететом: это не средство обмена информацией, но дар бытия, через который оно открывает себя человеку. Фраза «язык есть дом бытия» стала одной из самых цитируемых в литературе о Хайдеггере и в публикациях по философии языка. Подобные возвышенные изречения о слове и языке повторяются на разный манер почти в каждом сочинении позднего Хайдеггера: «Слово – это просвет тишины бытия» (Das Wort ist Lichtung der Stille des Seins) [8, p. 153]; «Слово есть бытие... Слова позволяют предугадать мир в том, о чем они говорят» (Das Wort ist Seyn... Worte lassen die Welt errahnen in dem, wovon sie sagen) [9, p. 341]; «Сущность слова покоится в несущем событие начале» (Das Wesen des Wortes ruht im erignishafte Anfang) [10, p. 171].

Современное определение языка по Хайдеггеру основано на метафизическом самоопределении человека, которое стало судьбоносным: animal rationale – это разумный субъект, владеющий речью, и в качестве такого является господином и манипулятором сущего. В силу этого истина бытия оказалась «заставленной» (verstellen) метафизическими понятийными конструкциями, но виновников этого процесса нет, ведь такова судьба истории бытия, а не человеческих деяний. Так главным и судьбоносным бытийно-историческим событием с подачи Хайдеггера становится диссонанс между языком откровения бытия и языком забвения, который в ответ на зияющую и невыносимую пустоту молчания раскручивает маховик опредмечивания, т. е. подменяет и засоряет самое существенное и необходимое – истину как непотаенность – пролиферацией сущего.

Метафизическую установку, считает Хайдеггер, следует подвергнуть деструкции и подступиться благодаря этому к более изначальному взгляду на человеческое бытие: слово – не просто сущность, которой может владеть человек, а то, что само «обладает» человеком, «существование слова»: «Das Wort, was den Menschen (Dasein) “hat”, Wesung des Wortes...» [11, p. 100]. Человек вступает в присутствие только в качестве того, что высветилось событием слова: он – das ereignete des Wortes [12]. Однако для критически настроенных авторов Хайдеггер не только не преодолевает метафизический концепт animal rationale, но отклоняет его в пользу собственной мифологемы события непотаенности бытия. Взамен метафизики предлагается вовсе не герменевтика чистого языка бытия, но мистическое учение о молчащей «тиши» бытия, которое играет с человеком За-

пада в прятки: однажды показав себя европейскому мышлению, оно начинает историю своего отдаления и сокрытия, лишь иногда открываясь «немногим», «одиноким» и «редким», которые в состоянии расслышать «голос» бытия и предугадать его «намек». В словах-намехах доносятся судьбоносные для всех вести, которые большинство принять не может, т. к. эти вести в существе своем «несвоевременные», далекие от актуальности злободневных проблем.

Проект истории бытия, понятый в таком ключе, не может не давать повода для ироничного тона критиков. Г. Андерс видит в нем всего лишь «эзотерику языка» [13, р. 278]. Т. Адорно называет Хайдеггера «лингвистическим мистиком нашего времени» [14, с. 108]. Если Хайдеггер подводит итог истории откровений метафизических пророков, то сам он является первым пророком постметафизического мышления. Подобные оценки довольно типичны. Примером может послужить критика Хайдеггера со стороны Р. Рорти. Он считает, что поздний Хайдеггер в своем неустанном поиске *Eigentlichkeit* и «великой изначальности», в своих размышлениях о «домах бытия» и «подарках события», в конце концов, наделяет язык свойством трансцендентности. Благодаря этому Хайдеггер учреждает самого себя в качестве великого мыслителя, т. е. гипостазирование языка позволило ему занять в истории философии ту высоту, относительно которой вся история метафизики и весь мир просматриваются как ограниченное целое (*begrenztes Ganzes*): «Когда поздний Хайдеггер гипостазировал язык, это был просто шаг к гипостазированию самого Хайдеггера, – преобразению Мартина Хайдеггера из еще одного создания своего времени, из еще одной личности, обусловленной социальной практикой, из человека среди людей в первого постметафизического мыслителя» [15, с. 132].

Однако еще задолго до Р. Рорти похожим образом трактовал хайдеггеровские дискурсивные стратегии Т. Адорно. Его «формулу метода» он сводит к «совершенно примитивной» парадигме «гипостазирования копулы». Эти методические уловки представляют собой своего рода «оборонительные техники ухода в вечное» (онтологическое), направленные против любой возможности онтического понимания и тем более критики через аппликацию к эмпирическому опыту: «Он защищается от возможных возражений, предвосхищая их как моменты, которые якобы в защищаемом тезисе уже учтены; ошибочные умозаключения, на которые мог бы указать первый встречный логик, проецируются в объективную структуру того, к чему клонит мысль, и тем самым оправданы» [16, с. 106]. Мотив критики Т. Адорно в отличие от Рорти имеет идеологическую направленность. Он разоблачает исходный реальный социальный источник – «жаргон подлинности» и операции перевода последнего в онтологическую сущность. За ними следуют вторичные оборонительные техники гипостазирования.

Тот же ход рассуждений о стратегии отвода подозрений через гипостазирующее перетолкование собственных мыслей (и даже биографических перипетий, которые онтологизируются в историю бытия) находим у П. Бурдьё. Вот схема прочтения, поразительно похожая на предыдущие: «Если язык господствует над философом, а не философ над языком, если слова играют с философом, вместо того чтобы философ играл со словами, значит, игра слов – это и есть язык Бытия, т. е. онто-логия. Философ есть служитель священного, чьи словесные заклания всего лишь подготавливают второе пришествие» [17, с. 177].

На фоне предыдущих авторов совершенно не новой и методологически бедной выглядит критика Б. Хюбнера. По его мнению, весь проект «сущностного мышления» состоялся только благодаря решительному – ничем, кроме решимости самого германского мастера, не обоснованному – наделению статусом реального существования понятий, которые на самом деле никакой реальности собой не обозначают и никакого смысла не имеют [18]. Хюбнер полагает, что открывает глаза всему научному сообществу на великую мистификацию. Если подвести итог цепи его рассуждений, то резолюция будет следующей: бытие – это всего лишь слово, понятие; истина в том, что его в реальности не существует, а «дом бытия» находится только в славословящем уме Хайдеггера. Хюбнер воспроизводит то же самое место о гипостазировании языковых сущностей.

Таким образом, мы можем констатировать устойчивую схему, общий топос в рецепции позднего Хайдеггера, какой бы оригинальной ни была критика того или иного автора по своим мотивам, методологии или тону разоблачения. Интересно заметить, что из того же самого клише – представления о Хайдеггере, устами которого говорит не человек, а само бытие, – рождается и пафос хайдеггерианства. Если для критиков расхожий тезис «говорит не человек, а говорит язык (бытие)» является основанием для обвинения Хайдеггера в мистике, мифотворчестве или создании новой иррационалистической метафизики, то для его эпигонов это эпохальная истина, открывающая возможность «подлинного», неметафизического мышления. Фактически это проявляется в том, что для эпигонствующего хайдеггерианства говорить подлинно и сущностно – значит говорить на идиоме Хайдеггера, превращая ее в язык «подлинного» бытия.

Заметим, что именно на этот феномен обращает внимание Т. Адорно в «Жаргоне подлинности». Он отмечает следующее: то, что Хайдеггер «нарек подлинностью, однажды став словом,

вращается в ту самую анонимность обменного общества, против которой направлен пафос «Бытия и времени». Жаргон, заслуживающий в хайдеггеровской феноменологии болтовни почетного места, с одной стороны, позволяет своим adeptам осознавать собственную оригинальность и возвышенный характер своего умонастроения, а с другой стороны, унимает все еще нарывающее подозрение в беспочвенности» [19]. Поэтому тезис Рорти о «гипостазировании языка» следовало бы дополнить оговоркой, что в действительности это гипостазирование утверждается не столько самим Хайдеггером, сколько стараниями хайдеггерствующих авторов. Данная тенденция получила развитие и в тех кругах российской публицистики, где культивируются новые, химеричные формы хайдеггеризирующего жаргона. Идеологические проекты, в которых употребляются такие понятия, как, например, «скандинавский дазайн», или ставится историософская задача пробуждения «русского дазайна» («русской четверицы», «русского Ereignis» и пр.), по существу представляют собой не что иное, как квазихайдеггеризм. Именно благодаря такой форме рецепции создается и культивируется образ Хайдеггера-мистика, великого посвященного в метафизическую тайну бытия и заклинателя нового начала.

На наш взгляд тезис о гипостазировании не только не позволяет герменевтически удовлетворительно идентифицировать хайдеггеровский вопрос о языке, но при серьезном последовательном толковании создает смысловую диффузию, превращающую размышления Хайдеггера в череду апорий (хотя можно предположить, что именно в этом и заключался замысел критики, особенно в самых радикальных ее вариантах).

Рассмотрим некоторые последствия, к которым приводит внедрение этой в каком-то смысле «вирусной» интерпретативной матрицы в конструкцию хайдеггеровской мысли. Этот тезис вносит два смысловых эффекта: либо странное удвоение – проблематичную внеязыковую реальность, либо весьма специфический лингвосолипсизм. Если язык – субстанция, то возникает вопрос о статусе этой субстанции. Таким образом, внутри хайдеггеровской философии реставрируются проблемы, которые он преодолевал. Более того, «сами вещи» (феномены) не имеют тогда никакой своей сущности, т. к. только при погружении в субстанцию языка они становятся причастными какой-либо значимости, вещами в собственном смысле. Если это так, то почему Хайдеггер настаивает на незамкнутости горизонта значений? Зачем нужны феноменология вещей и герменевтика самого бытия, если в языке уже «все есть»? Тогда достаточно простой дескрипции данных и применения к ним логических и математических операций. Каким образом субстанциализация языка согласуется с наличием в самом языке «трансценденталий»? Понятие бытия, которое есть *transcendens*, – это настоящий скандал внутри солипсистского языкового мира. Язык не может обойтись без того, о чем почти ничего не может сказать, ибо: 1) «бытие» есть «наиболее общее» понятие; 2) оно неопределимо; 3) это понятие само собой разумеется, и мы в этой понятливости «всегда уже живем» [20].

Хайдеггер говорит скорее не о диктате языка, а о ситуации его бессилия, когда он оказывается беспомощным, оставляя *Dasein* с *вопросом* о смысле бытия. Уже первый параграф «Бытия и времени» должен насторожить интерпретаторов и заставить отказаться от категорического вменения автору гипостазирующей стратегии философствования: одновременное допущение субстанциализации термина «бытие» и ускользающего его смысла не делает мысль Хайдеггера более понятной, но требует еще больше дополнительных объяснений (объясняющих уже саму интерпретацию, но не мысль Хайдеггера). Например, напрашиваются такие надуманные вторичные головоломки. Гипостазирование слова «бытие» не может не означать субстанциализацию самого бытия, которую по Хайдеггеру нельзя мыслить ни как сущность, ни как субстанцию. Если в игру вступает онтологическая дифференция, то в реально сущие языковые сущности привносится такой смысл субстанции, который для своей мыслимости нуждается еще в чем-то другом, кроме себя, т. е. в бытии. Уже брошенное вскользь замечание Хайдеггера о том, что «существо языка не может быть ничем языковым» должно было поставить под сомнение хайдеггеровский «радикальный лингвизм» [21, с. 285].

Напомним, что согласно нашему предположению отправным пунктом для этого доминирующего вектора в рецепции Хайдеггера является один и тот же топос – довольно прямолинейное понимание его позднего проекта герменевтики языка как «сказа бытия». Этот подход к интерпретации данного проекта во многом поддерживается за счет еще одной сложившейся установки в рецепции философского наследия Хайдеггера: резкого противопоставления позднего и раннего путей мышления. При обращении к языковой проблематике исследователи, как правило, либо дистанцируют друг от друга, либо противопоставляют ранний и поздний подходы к языку. Так поступает Р. Рорти: он проводит категорическое различие между «гипостазированием языка» после поворота и ранней трактовкой языка в «Бытии и времени», которая была, по его мнению, «прагматической» [22]. Никаких попыток рассмотреть первый проект через призму второго и про-

следить связь не предпринимается. Эти два диаметрально противоположных, как представляется Рорти, подхода сравниваются с двумя концепциями языка раннего и позднего Витгенштейна. Преодоление строго дихотомического взгляда на творческие пути первого и второго философов могло бы дать и другие, возможно, более плодотворные результаты сравнения, чем перекрестное сопоставляющее уравнение Хайдеггера-прагматика «Бытия и времени» с Витгенштейном «Философских исследований» и Хайдеггера-мыслителя Ereignis с Витгенштейном-мистиком «Логико-философского трактата».

Однако ни гипостазирующая, ни прагматическая трактовки не согласуются с ключевым феноменом, важным для понимания онтологии языка как раннего, так и позднего Хайдеггера – феноменом «встречности». Пожалуй, единственный исследователь, который обратил внимание на данную ситуацию в рецепции Хайдеггера, – это И.Н. Инишев. К сожалению, его исследование ограничивается только ранним феноменологическим периодом. Он также полагает, что внимательное прочтение медиальности «формального указания» у раннего Хайдеггера не допустило бы сведения его подхода к языку ни к гипостазированию, ни к прагматизму. Более того, И.Н. Инишев считает, что реконструкция философии языка Хайдеггера могла бы в принципе преодолеть дихотомию «лингвизма» и «прагматизма» и – в силу своей «медиальности» – предложить новые возможности концептуализации языка и осмысления его онтологического статуса [23].

Что касается раздвоения мысли Хайдеггера на несводимые друг к другу, замкнутые на себе периоды, то оно имеет место и там, где тема языка закрепляется только за поздним Хайдеггером. Так, К. Штальхут полагает, что все позднее творчество может быть понято как путь к языку [24, р. 306]. Тогда поворот Хайдеггера – это, прежде всего, поворот к языку; следовательно, в экзистенциальной аналитике проблема языка либо не играет никакой роли, либо язык мыслится как эпифеномен, второстепенный для раскрытия вопроса о смысле бытия [25]. Возникает стойкое ощущение, что Хайдеггер воспринимается как создатель изолированных проектов, которые совсем не обязательно мыслить в общей конфигурации. Можно допустить, что подобную стратегию восприятия творчества Хайдеггера впервые инициировал Р. Рорти, предложивший использовать все пути мышления Хайдеггера как «ящик с инструментами» [26]. Стратегия неплохая, но никто не гарантирует, что «инструменты» эти не таковы, что ими можно успешно и верно пользоваться только в комплексе или в тандеме. Более того, концепт «ящика с инструментами» идет вразрез с девизом Хайдеггера «пути, а не произведения», которым он сопровождал первый том собрания сочинений. Девиз как бы предостерегает от восприятия сочинений в виде набора концепций, методик и убеждений, которые могли бы иметь прикладное значение для построения тех или иных идейных конструкций. Дело не в неосуществимости таких предприятий (как раз наоборот – они являются, как показывает современная интерпретаторская практика, наиболее успешными и легкими способами работы с «материалом» хайдеггеровской мысли), а в их сомнительной значимости и возможной опасности. В противоположность этому читатель должен видеть во всем Gesamtausgabe только тропы вопрошающей мысли, принять, освоить ее вопрос, вопрошать вместе с вопрошающим, но, прежде всего, «вопрошать вопрошающего» (fragender fragen) [27, р. 437]. Хайдеггер, занятый на всем своем пути вопрошания разбором (деструкцией) традиции, не может не требовать от читателя-собеседника такого же разбирательства с Хайдеггером.

Более гибким и герменевтически оправданным является подход В.В. Бибихина. В курсе лекций «Ранний Хайдеггер» он предлагает смотреть на ранние вещи Хайдеггера «*поздними* глазами» [28, с. 29]. Обратный ход толкования тоже допускается. Причем предполагается не только прочтение позднего Хайдеггера в терминах раннего, но и возможность использования ранних сочинений в качестве посредника для перевода языка позднего Хайдеггера на конвенциональный язык академической философии: «Я говорил, что *того* Хайдеггера можно считать *переводчиком* известного нам, “темного” Хайдеггера, на наш философский жаргон» [29]. Такой взгляд вполне согласуется и с тем, как оценивал свой творческий путь сам Хайдеггер в интервью 1969 г.: «Хайдеггер II возможен только благодаря Хайдеггеру I, а Хайдеггер I уже включал Хайдеггера II» [30, с. 154].

Данной герменевтической стратегии следует придерживаться, решая задачу экспликации проблемы языка в философии Хайдеггера. На наш взгляд она может предостеречь как от недальновидной поспешной критики, так и от опасностей неоправданных обобщений и псевдоконцептуализаций. Темноты поздних размышлений о сущности языка должны поверяться ранней феноменологией и в то же время рассматриваться как продолжение и обогащение последней. Только такая целостная экспликация может подготовить почву и для конструктивной критики, и для более ясной постановки вопроса в перспективе возможных дискуссий о языковой проблематике.

В заключение добавим, что проблема, которую мы затронули в данной работе, не является сугубо хайдеггероведческой. Проблема поиска подхода к интерпретации философского текста

становится гораздо острее, когда язык автора – свободный живой язык мысли, когда язык философа не конвенционален. Ситуация кажется еще более неразрешимой, если необходимо исследовать проблему языка у философа, который писал о языке не конвенциональным языком. Очевидно, что идентифицировать мысли таких философов, как М. Хайдеггер, в разметке концептуальных установок различных школ и направлений не самый удачный путь к их пониманию.

Список источников:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 452 с.
2. Heidegger M. Seminar: Vom Wesen der Sprache. Gesamtausgabe. Bd. 85. Frankfurt am Main, 1999. 232 s.
3. Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. Gesamtausgabe. Bd. 38. Frankfurt am Main, 1985. 190 s.
4. Lafont C. Sprache und Welterschließung. Zur linguistischen Wende der Hermeneutik Heideggers. Frankfurt am Main, 1994. 392 s.
5. Wellmer A. Sprachphilosophie. Eine Vorlesung. Frankfurt am Main, 2004. 473 s.
6. Apel K.-O. Sinnkonstitution und Geltungsrechtfertigung. Heidegger und das Problem der Transzendentalphilosophie // Apel K.-O. Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt am Main, 1998. S. 505–568.
7. Сокулер З.А. О чем говорит язык? Учение Левинаса и исследования в когнитивной психологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2017. С. 240–253.
8. Heidegger M. Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe. Bd. 69. Frankfurt am Main, 1998. 229 s.
9. Heidegger M. Einübung in das philosophische Denken. Gesamtausgabe. Bd. 88. Frankfurt am Main, 2008. 336 s.
10. Heidegger M. Das Ereignis. Gesamtausgabe. Bd. 71. Frankfurt am Main, 2008. 348 s.
11. Heidegger M. Zum Wesen der Sprache und Zur Frage nach der Kunst. Gesamtausgabe. Bd. 74. Frankfurt am Main, 2010. 225 s.
12. Ibid. P. 99.
13. Anders G. Über Heidegger. München, 2001. 488 s.
14. Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011. 191 с.
15. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 121–133.
16. Адорно Т.В. Указ. соч. С. 106.
17. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2003. 272 с.
18. Хюбнер Б. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием. СПб., 2011. 172 с.
19. Адорно Т.В. Указ. соч. С. 23.
20. Хайдеггер М. Бытие и время... С. 3–4.
21. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Время и бытие. М., 1993. С. 273–302.
22. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер... С. 128.
23. Инишев И.Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 7. С. 83–98.
24. Stahlhut Ch. Sprache und Ethos. Heideggers Wege zu einer wahrhaften Sprache. Münster, 1986. 439 s.
25. Херрманн Фр.-В. фон. Фундаментальная онтология языка. Минск, 2001. 168 с.
26. Рорти Р. Еще один возможный мир // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 133–137.
27. Heidegger M. Frühe Schriften. Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1978. 454 s.
28. Бибахин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. М., 2009. 536 с.
29. Там же. С. 93.
30. Беседа с Хайдеггером // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 146–158.

Информация об авторах

Д.А. Павлова – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=878198.

А.Г. Чебан – старший преподаватель кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского, Саратов, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=637894.

Information about the authors

D.A. Pavlova – PhD student, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=878198.

A.G. Cheban – Senior Lecturer, Department of Philosophy, Humanities and Psychology, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=637894.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.08.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 09.09.2021.